

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
ул. Ленина, 90, Абакан, 655017, Республика Хакасия, Россия
E-mail: marat@khsu.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ОНТОЛОГИИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНВАРИАНТОВ СОЦИАЛЬНОСТИ*

В статье описывается специфика историко-онтологического подхода к анализу исторического сознания. Показано, что использование данного подхода позволяет разрешить целый ряд традиционных проблем философии истории. В частности, в горизонте историко-онтологического подхода легко разрешаются проблемы выделения исторических законов и проблема метода исторической науки. В то же время заявленный подход имеет ряд специфических затруднений, которые нуждаются в дополнительном исследовании.

Ключевые слова: онтология, социальное бытие, социальная структура, социальная динамика, философия истории, историческая онтология.

Общий кризис метафизики стал почти роковым для классической философии истории, равно как и для традиционной социологии и истории, поскольку возникает серьезная проблема обнаружения и последующего определения истории как некоторого объективного вещественного процесса. В попытках как-то обойти это метафизическое затруднение, исследователи социального бытия корень истории и историчности стали искать не в близком «объективном» историческом процессе, а в определенном историческом отношении исследующего субъекта. Таким образом, например, возникает неокантианская идея об особом индивидуализирующем методе познания, якобы присущем историческому дискурсу, в противовес генерализующему методу классических наук. Фактически в трудах ведущих неокантианцев, В. Виндельбанда и Г. Риккерта явным или неявным образом постулируется крамольная для того времени идея о том, что не особенности предмета познания определяют специфику исследования, но, напротив, свойства метода познания конституируют особенности его предмета.

Речь в таком случае должно вести о принципиально ином онтологическом статусе исторического субъекта и субъекта во-

обще. Наиболее известным и показательным в этом смысле является онтологический проект феноменолого-герменевтического направления. Признавая бытие сознания единственным наличным бытием, Гуссерль, а за ним и Хайдеггер постулируют совершенно нетрадиционное понимание характера этого бытия. Фундаментальным свойством бытия вообще выступает временность и через эту временность – историчность. Гуссерлианское чистое сознание и хайдеггеровское Dasein существуют как проекции (проекты) самого себя в себя же. Другими словами, сознание может существовать лишь как осуществление собственной возможности и в этом смысле его существование исторично. Используя традиционную терминологию, можно сказать, что поскольку бытие субъекта конституирует существование мира объектов, то историчность сознания оказывается вообще единственной формой для любого существования.

Подобного рода поворот представляет собой радикально новую трактовку историчности. В центре истории такого рода оказывается субъект, но субъект этот не рассматривается более как исторический деятель, значимая фигура мировой истории. Речь идет о личности историка как ключе-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0374).

вой фигуре для понимания вековой тайны историзма. История не существует без историка как субъекта исследования, автора исторического нарратива. Мало того, сама история есть не что иное, как этот нарратив: «Ошибка сторонников историзма состояла в том, что они помещали “объект изменения” в саму реальность, а это хотя и вполне естественное, но все же ошибочное предположение... Источником этой ошибки является убеждение в том, что согласованность, сообщаемая историческому нарративу благодаря понятию энтелехии или “historische Idee”, отражает согласованность в самой исторической реальности. ...Но прошлое само по себе не является логичным или алогичным, последовательным или непоследовательным. Только нарративы могут быть логически последовательными, ясными или неясными. Историзм ошибочно помещает нарративную логику, т. е. логику, которой подчиняются ясные и понятные описания прошлого, в само прошлое» [Анкерсмит, 2003. С. 177–178].

Цель такого изменения в принципе ясна: мы избегаем, с одной стороны, поисков некоей «субстанции мировой истории», мыслимой по аналогии с физической материей, а с другой – благополучно парируем возможные обвинения в апелляции к не менее сомнительному «духу мировой истории» в гегелевском смысле. История существует только в реконструкциях, нигде больше ее искать не надо. Сравнения исторических сочинений и апелляции к исторической объективности имеют смысл лишь как соотнесение исторических нарративов разного рода. Тем самым мы ликвидируем в истории метафизическую составляющую, будь это идея объективного исторического процесса или идея абстрактного исторического духа. На практике мы сталкиваемся только с продуктом труда историка.

При изменении подхода к построению социальной онтологии мы радикальным образом меняем иерархию имеющихся у нас проблем, связанных с объяснением социальной динамики. Проблемы исторического процесса и универсального исторического духа, ключевые с точки зрения механического и органического подходов, уходят на второй план, становятся псевдопроблемами. Наоборот, проблема исторического сознания, которая в рамках механического подхода вообще не могла быть сформулирова-

на, а в границах органической методологии занимавшая периферийное место, оказывается центральной, основной проблемой в феноменологическом смысле. Если для социального органицизма историческое сознание – одна из десятков, сотен и тысяч форм общественного сознания, то в рамках предлагаемого подхода изначальная историчность сознания позволяет конституировать не просто способ мироположения, но и сам этот мир для индивида. Проще говоря, историческое сознание – это главная проблема социальной онтологии, а философия истории, в рамках которой это сознание может быть исследовано, оказывается главной философской дисциплиной, основной наукой.

В то же время, заявив о том, что историю нет смысла искать где-либо кроме как в сознании историка или в историческом сочинении того же историка, мы должны быть готовыми к тому, что нам зададут несколько серьезных вопросов.

В первую очередь следует ожидать обвинения в крайнем субъективизме предлагаемого подхода к проблеме. В самом деле, признание того факта, что история становится для нас доступной только в рамках исторической реконструкции, осуществляемой историком, заставляет ощутить себя в какой-то мере заложником произвола исследователя. Гораздо проще было признать существование какой-то особой исторической реальности, к которой обращается историк, используя особые «правила перевода». Тогда нарушение этих правил автоматически обозначало бы впадение в грех субъективизма, а их соблюдение – наоборот следование объективным критериям. Увы, это не так: «Правила проекции или перевода могут существовать только там, где есть две соответствующие друг другу области, имеющие структурное сходство. Но объекты прошлого, о которых так часто говорят историки, например интеллектуальные, общественные, политические движения и даже нации или социальные группы, не имеют в самом прошлом независимого от нарратива статуса: они происходят из нарратива и удостоверяются исключительно нарративом» [Анкерсмит, 2003. С. 129]. В силу этой особенности предмета исследования, понятие объективности для исторической науки имеет смысл заменить на понятие интер-

субъективности, которое по необходимости носит социальный характер.

В свою очередь вопрос об интерсубъективности оказывается проблемой, имеющей двойкий смысл: технический и экзистенциальный. Техническая сторона интерсубъективности может быть раскрыта в ходе анализа историзма: через категориальный анализ исторического сознания или анализ нарративной структуры исторического повествования. Такие методики, например, предлагались Хейденом Уайтом (см.: [Уайт, 2002]) или Франком Анкерсмитом в ранний период его творчества (см.: [Анкерсмит, 2003]). Речь в данном случае идет не об особых правилах или законах самого прошлого, таких правил и законов у прошлого нет. Речь идет о правилах избранного нами нарратива, универсальность которых обеспечивается не их «укорененностью» в истории, но лишь эфемерной историографической традицией, которая обеспечивает преимущество исторического знания. Экзистенциальный смысл понятия интерсубъективности отсылает нас к более фундаментальной проблеме, а именно проблеме осуществления коммуникации в рамках феноменолого-герменевтического подхода. Если для каждого индивида горизонт его собственного сознания оказывается исходным пунктом в постижении окружающего мира вкупе с другими людьми, то почему окружающие люди оказываются не просто вещами среди других вещей, но такими же мыслящими субъектами, что и сам познающий? Эта проблема на самом деле оказывается крайней для философии историко-онтологического направления и может быть разрешена лишь через постулирование исходного единства индивидуальной и социальной сущности человека.

Второй вопрос со стороны критиков историко-онтологического подхода к историческому сознанию может звучать следующим образом. Если историчность нашего сознания оказывается исходным пунктом для самой тематизации реальности, то в чем специфика собственно исторического (в узком смысле) отношения к миру? Ведь в таком случае в орбиту наших изысканий в области исторического сознания потенциально попадают вообще все философские категории и проблемы. Проще говоря, любая попытка философского дискурса автоматически попадает в рамки социально-

исторического исследования. Но в этом случае термин «историчность» приобретает максимально широкий объем, а вместе с этим, казалось бы, теряет всякую специфику. Возвышая историчность как общий принцип познания, мы не оставляем места для разделения исторического и неисторического в нашем опыте. Повседневность во всей ее обыденной простоте оказывается уравненной в правах с рафинированными изысканиями историков-профессионалов.

В этой ситуации вопрос о специфике истории и историзма как формы сознания становится важным в социологическом смысле, ведь теперь на карту поставлен вопрос о статусе истории как научной дисциплины и как достаточно уважаемой сферы деятельности. Очевидно, что при нивелировании разницы между различными видами историчности этот статус оказывается весьма сомнительным. Данное состояние дел не может не вызывать серьезное противодействие со стороны профессиональных историков и философов истории, которые по сути дела лишаются куса хлеба. В то же время, данный вопрос оказывается одновременно с этим и вопросом о приоритете. Очевидно, первичной и главной проблемой философии истории становится как раз проблема историчности сознания, причем как сознания профессионального историка, так и сознания обычного человека. Вопрос же об их разграничении становится вторичным и опять же, как и в предшествующем случае, сугубо техническим.

Иными словами, вопрос о разграничении сферы деятельности профессиональных историков и повседневной жизни обычных людей – это проблема установления скорее количественных, нежели качественных критериев, поскольку в основе своей имеет одну и ту же внутреннюю историчность сознания. Это, кстати, позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения и оформления исторического сознания, поскольку мы можем фиксировать в исторических нарративах наличие или, наоборот, отсутствие внутренней рефлексии над содержанием. Понятно, что сознание человека изначально исторично, но осознание этой внутренней историчности происходит постепенно и собственно возникновение историографической традиции оказывается вехами этого пути. В этом смысле возникновение научной историографии –

крайне важное событие, поскольку оно позволяет внести ранее бытовой дискурс в рамки науки: «Как повествовательный вымысел не лишен референции, так и референция, свойственная истории, не лишена родства с “продуктивной” референцией вымышленного повествования. Нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, неподтверждаема. Поскольку ее больше нет, она намечается лишь опосредованно, через исторический дискурс. Здесь и выявляется родство истории с вымыслом. Реконструкция прошлого, как об этом прекрасно сказано у Коллингвуда, – дело воображения. В силу упомянутых выше связей истории и повествования историк тоже выстраивает интриги, которые документы подтверждают или опровергают, но никогда в себе не содержат. История в этом смысле соединяет повествовательную связность и соответствие документам. Это сложное сочетание характеризует статус истории как интерпретации» [Рикер, 1995. С. 69]. В то же время увлечение исследованием именно этой стороны исторического сознания не должно заслонять от нас первичную и главную проблему – историчность сознания как корень любой социальной онтологии.

Будучи проблемой основного характера, историческое сознание принципиально не выводимо ни из одного существующего рационального понятия. Наш тезис о первичности исторического сознания опирается на некоторую базовую интуицию, непосредственное переживание историчности. В горизонте этой интуиции возможна вся последующая рефлексия о категориальной структуре исторического сознания и структуре исторического нарратива. Для иллюстрации же самой возможности такой интуиции Франк Анкерсмит ссылается на экзистенциальные переживания опыта прошлого у Гете и Петрарки (см.: [Анкерсмит, 2007]), а Поль Рикер – на собственные религиозные переживания (см.: [Рикер, 2002]). Для нас вопрос о степени обоснованности таких интуиций не столь принципиален, поскольку на точно таких же правах мы объявляем вполне приемлемыми и восприятие элементов социального в рамках механистического подхода, и восприятие единства социального бытия в рамках органицизма. В то же время имеющаяся у нас интуиция в дальнейшем может быть развернута в исто-

рическое повествование, которое уже вполне анализируемо и рационализируемо.

Мы же попытаемся рассмотреть проблему динамики исторического процесса, исходя из признания основного характера исторического сознания. В традиционных подходах реконструкция динамики исторического процесса становится одной из главных проблем, поскольку в наличии для исследователя имеются лишь разрозненные документы, предположительно характеризующие прошлое и возможно некоторые исторические сочинения предшествующего периода, которые также нуждаются в анализе и переинтерпретации. В идеале, за этими актуальными фактами, а они на самом деле для историка как исследователя актуальны, наш субъект исторического исследования должен обнаружить исторический процесс как некоторый участок прошлой реальности. При этом, мы предполагаем, что данный участок реальности не просто существует, но и имеет рационально постигаемый смысл. Этот смысл должен быть абстрагирован нами и выделен как исторический закон. Памятуя об универсальности закона, мы должны обнаруживать следы его действия не только на данном участке исторического прошлого, но и на любом другом. Соответственно, наш герой-исследователь, назовем его А, должен проверить этот закон на других эмпирических фактах и обнаружить, что и здесь наш закон выполняется. Собственно в этот момент исследователь должен встать и объявить: «Господа, я нашел закон А', который объясняет, почему в истории происходит так-то и так-то». В данной ситуации мы намеренно не рассматриваем ситуацию, когда на альтернативном наборе фактов ему обнаружить действие закона не удастся, пусть все для А складывается удачно.

Теперь допустим, что, отталкиваясь от тех же самых документов и фактов, историк Б обнаруживает некоторую повторяемость, отличную от закономерности А'. Он также продельвает ряд верифицирующих процедур и объявляет об открытии им альтернативного закона Б'. Этот закон также претендует на универсальность и точно так же согласуется со всеми имеющимися у нас под рукой историческими свидетельствами и документами. Очевидно, что с точки зрения логики у нас нет оснований предпочесть закон А' закону Б'. Но ведь мы исходим из

наличия единственного и уникального исторического процесса и вынуждены предположить, что соответствовать действительности может максимум один из альтернативных законов, а в пределе ни одного. Соответственно, мы не имеем на руках ничего, кроме сомнительного тезиса об эмпирической подтвержденности законов А' и Б'.

На практике это не приводит ни к чему, кроме длительных и практически всегда бесплодных споров об истинности или ложности обнаруживаемых закономерностей, апелляциям к последующим обнаруженным фактам и прочим процессам этого рода. К примеру, возьмем вошедшую даже в школьные учебники дискуссию сторонников формационного и цивилизационного подходов к периодизации истории. Очевидно, что данный спор в принципе не может быть разрешен рациональными методами. Дальнейшая дискуссия неизбежно будет сведена к выпадам против личностей или критике мелких деталей теорий противоположной стороны. Попытка как-нибудь примирить две позиции, путем объявления их приближенными моделями заведомо обречена на неудачу, поскольку отсылает нас к поиску третьей, теперь уже всесторонне адекватной концепции, в противовес двум неудачным.

На самом деле, проблема может быть решена раз и навсегда при переходе к историко-онтологической парадигме. Как и в предшествующем случае, исходными данными для нас служит некоторый набор исторических документов и свидетельств. Очевидно, что сами эти документы для нас оказываются уже должным образом проинтерпретированными. Горизонтом интерпретации в этом случае служит историографическая традиция, в общем случае разная для разных исследователей. Этим, кстати, объясняется расхождение в подходах разных научных школ уже на этапе отбора источников. Дальнейшая работа представляет собой построение исторической реконструкции на базе имеющихся у нас интерпретированных источников. Реконструкция представляет собой теоретическую схему, в которую на уровне деталей включены уже известные факты, но также и догадки, предположения. При построении такой интерпретации ограничивающими факторами становятся:

1) эмпирические данные, которым наша реконструкция не должна противоречить;

2) методы исторического исследования, которые нами заявлены как используемые, выбор таких методов, с одной стороны, достаточно свободен, но опять-таки определяется включенностью исследователя в научную традицию в узком (как научная школа) и широком (как научное сообщество) смыслах;

3) правила нарративного построения в узком (как литературная форма) и широком (как языковые правила) смыслах.

С учетом имеющихся ограничений, исследователь вправе построить любую концепцию, при этом она становится исторической по определению. Вопрос о степени соответствия исторической реальности – это вопрос о соответствии имеющимся операциональным ограничениям, и если наша теория им соответствует, она заведомо исторична. Никаких других критериев истинности для истории нет, поскольку мы не в состоянии применить других верифицирующих методик или «правил перевода»: «Какое бы конкретное содержание мы ни вкладывали в правила перевода, они всегда будут лишь произвольными правилами отбора, приемлемыми для одних историков и неприемлемыми для других. Прошлое никоим образом не подобно машине: оно не имеет никакого скрытого механизма, работу которого должен отследить историк. Не подобно прошлому и ландшафту, который должен быть спроецирован на лингвистический уровень с помощью правил проекции или перевода. Ибо “исторический ландшафт” не дан историку; историк должен его построить. Нарратив не является проекцией исторического ландшафта или некоего исторического механизма, прошлое лишь конституируется в нарративе» [Анкерсмит, 2003. С. 128].

В этом смысле формационная и цивилизационная модели истории, равно как циклическая или маятникообразные модели, а также десятки и сотни других возможных теоретических реконструкций и схем исторического процесса, оказываются всего лишь типами исторических нарративов, т. е. способов организации имеющихся у исследователя эмпирических фактов, которые относятся им к прошлому. Никакого особенного конфликта схем и законов истории не существует. Само понятие исторического

закона оказывается ни чем иным, как «полезной идеей» в кантовском смысле, поскольку позволяет нам структурировать ранее неструктурированный массив имеющейся информации.

Другой проблемой, традиционной для философии истории, является дискуссия о методе исторической науки, или даже методе социально-гуманитарных наук в целом. Согласно имеющемуся в философской традиции мнению (см., например: [Розов, 2009]), первой волной этого спора считается неокантианская проблема разделения номотетического и идеографического методов науки, а вторая волна начинается дискуссией по поводу знаменитой статьи Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории» [Гемпель, 2000], обернувшейся соперничеством двух стратегий исторического описания: объяснения и понимания. Если не вдаваться в терминологические изыскания, суть долгоиграющего спора во всех его ипостасях заключается всего лишь в вопросе о характере построения теории в исторических науках. Различаются два альтернативных способа: дедуктивный (в его гипотетико-дедуктивной форме), т. е. номологический в гемпелевском смысле, с привлечением понятия объективного исторического закона, и, наоборот, индуктивный: от фиксации единичных уникальных фактов к установлению некоторого единства описания. Периодически та или иная сторона объявляла себя победителем в методологической борьбе, но конечное слово так и не было произнесено. Так же как и в предшествующем случае, дискуссия так и не была закончена, поскольку все ее участники потеряли интерес к проблеме либо в силу естественных причин, либо ввиду крайней затянутости дискуссии и бесперспективности дальнейшего диалога.

И опять обратимся к тем преимуществам, которые предоставляются нам историко-онтологической перспективой: вопрос о глобальном методе исторической науки вы рождается в вопрос о стратегии построения локальных исторических нарративов. В данной ситуации внутреннее соперничество научных школ и направлений внутри официальной историографии далеко не всегда обозначает тот факт, что какая-то из этих школ оказывается псевдонаучной, использующей недозволенные в науке методы исследования. Как раз наоборот, многообра-

зие методов исторической науки, их альтернативность и всесторонность позволяют нам заявить об отсутствии догматизма и начетничества в рамках исторической науки и всего корпуса социально-гуманитарных наук в целом. А тот факт, что какому-либо конкретному исследователю не нравятся методы, используемые другими учеными, оказывается позитивным условием дальнейшего развития современной историографии. В самом деле, единственный способ критики исторической реконструкции в рамках феноменологического подхода – это столкновение с фактом, не укладывающимся в структуру теории. Поэтому критике подлежат не методологические установки оппонента, а их согласованность с имеющимися фактами. Поиск таких фактов и составляет суть научной критики в истории. При этом нельзя забывать, что факт в истории – это результат теоретической интерпретации, поэтому критика альтернативной теории возможна лишь путем столкновения с фактами, интерпретированными в рамках критикуемой теории, а не с произвольно взятыми внешними фактами. Иными словами, методологические споры имеют смысл только внутри определенной традиции и не должны выходить за рамки научных школ или направлений.

Как мы видим, принятие историко-онтологического подхода к пониманию социальности позволяет достаточно просто разрешить несколько фундаментальных проблем, относящихся к сфере современной философии истории. Это становится возможным в случае признания исторического сознания основной проблемой социальной онтологии и постановки ее «за скобки» при объяснении остальных феноменов социальной жизни.

Список литературы

Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.

Гемпель К. Функция общих законов в истории // *Время мира.* Новосибирск, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 13–26.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Изд. центр «Academia», 1995. 160 с.

Рикер П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.

Розов Н. С. Спор о методе (Methodenstreit) и проблема специфики социогуманитарных наук // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 1. С. 42–47.

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Материал поступил в редколлегию 09.11.2009

M. N. Chistanov

**HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A SPECIFIC TYPE OF ONTOLOGY:
TO THE PROBLEM OF SOCIAL INVARIANTS SEARCH**

The paper describes specificity of historical and ontological approach to analysis of historical consciousness. This approach permits to resolve traditional problems by philosophy of history: problem of laws of social development and problem of historical method. But at the same time we can receive any specific difficulties. These problems needs for additional research.

Keywords: ontology, social existence, social structure, social dynamics, philosophy of history, historical ontology.